

Экран и сцен-
на. -1996. - 17-
24 окт. - с. 16.

Раньше понятие "мертвый сезон" было исключительно курортным. Благодаря Савве Кулишу оно стало кинематографическим. "Мертвый сезон" самый знаменитый его фильм, без всяких натяжек и преувеличений — классика не только жанра, но и кинематографа, который когда-то существовал, а теперь надолго вступил в то состояние, что вполне соответствует названию кулишовского фильма.

"Мертвый сезон" — и самый знаменитый фильм, в котором снимался я. Правда, в других я не снимался, но ту роль, что доверил мне режиссер, судя по результату, сыграл убедительно. А нужный результат состоял в том, чтобы опознать при обмене разведчиков протагониста героя Баниониса, что я и сделал, скупно кивнув головой и отпустив самого Баниониса в матушку Россию. То, что это сделал я, раньше знал только близкий круг друзей, теперь благодаря тому, что фильм раз пять в год крутит телевидение, круг этот все ширится. Некоторое время назад вопрос, не я ли обменивал Баниониса, задавал сам председатель Госкино. Спасибо, Савва, что ты запустил меня на такую орбиту.

Это маленькое хвастовство — не для красного словца. То, что Савва Кулиш в каждом своем фильме обязательно снимает друзей и приятелей, знают только посвященные. Зачем он это делает — наверно, лучше меня рассказал бы он сам. Но попробую догадаться и я.

Начинал он с документального кино. Быть ассистентом у Михаила Ромма на "Обыкновенном фашизме" — уже одно это чего-то стоит. Потом были уже его "Последние письма" — тоже знаменитое кино шестидесятых — о письмах немецких солдат с нашей войны. Помню, Савва мечтал о документальной картине-испове-

ди, снятой во многих странах, суть которой состояла бы в ответах самых разных людей на самые разные вопросы: что такое счастье, что такое любовь и так далее. Тогда ничего подобного не делали, еще не развернулось телевидение, и замысел казался замечательным. Правда, в ту пору в разные страны ездили другие люди, и он ушел в кино игровое, сняв за границу в "Мертвом сезоне" (в частности, сцену обмена) на второй кольцевой московской дороге. Заплатил за аренду американских автомобилей в

польском торгпредстве и превратил, помимо меня, в иностранных секьюрити Сашу Марьямова и Володю Медведева, тогда молодых людей, а ныне весьма почтенных и известных сценариста и художника.

Зачем-то он снимал нас, зачем-то расставлял одному ему ведомые вешки и фишки. Я получил для себя ответ на этот вопрос, посмотрев телевизионный вариант его последней картины "Железный занавес". Когда-то он позвал меня на просмотр одного из своих фильмов в кинотеатр

"Художественный". И еще весь свой бывший школьный класс. Потом мы слегка отметили это событие в администраторской, а затем, не успокоившись, махнули в Дом кино, устроив замечательную компанейскую складчину. Честно сказать, я был поражен, что этот класс сохранился как класс. Сам я свою школу не шибко жаловал, но ребят, с которыми учился, очень любил да и люблю до сих пор, хотя не видел никого уже много лет. А тут целый класс — лет через двадцать с гаком спустя! Вот бы снять о вашем

классе кино, сказал я Савве. Да, интересное было бы кино, — ответил он.

И снял ведь, хотя совсем о другом, но и об этом тоже. О том, как время прошло сквозь нас, а мы сквозь него. И снял, мне кажется, не из сегодняшнего дня, а именно из того, в котором жил он сам и его товарищи. Но он помнил о них все эти годы. В этом ценность "Железного занавеса" и его трагическая художественная достоверность.

Мы знаем друг друга много-много лет. Он меня познакомил со своими друзьями, я его с моими. Истоки перепутались — кажется, что все из одного котла. Но времена меняются — мертвый сезон. Вместе, как раньше, не едим отдыхать, не встречаемся на днях рождения друг друга, почти перестали ходить по гостям. Многие просто стали другими людьми. Но если захотим увидеть себя прежними, пересмотрим фильмы Кулиша — там мы мелькнем не для кого-то, а для самих себя, на одно мгновение такими, какими мы были прежде.

Савва Кулиш другим не стал. Бурлит, кипит, ораторствует, все время что-то объединяет и организует, кому-то порой сильно досаждают, иногда в чьих-то глазах выглядит прожектором, а вот фестиваль в Выборге провел, а вот проект документальной летописи к 850-летию Москвы, кажется (тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!) пробил и еще что-то на подходе.

Савва, что говорить: шестьдесят больше, чем двадцать или тридцать. А вот что лучше — можно оценить, только эти шестьдесят лет имею. Вопрос, конечно, риторический. Привет тебе от одноклассника, только из другой школы, из другого района, но, что несомненно, из одного ностальгического московского двора.

Ал. АВДЕЕНКО.

Свой резон в мертвый сезон

